

ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

СЕРГЕЙ ОСМОЛОВСКИЙ,

кандидат экономических наук, заведующий
кафедрой всеобщей истории Национального
педагогического университета имени
М.П.Драгоманова

Из истории сословно-корпоративной организации украинского предпринимательства в XVIII–XIX веках

Abstract

The article discusses the key aspects of the merchant guilds development in Ukraine that created economic, social and legal conditions for transformation of the merchants into an independent class and promoted the further national economy development. There are analyzed the factors which determined organization moments of this transformation in the legal field of Russian empire and its contradictory consequences for Ukrainian entrepreneurship. The author presents the specific distribution of guilds and its differences from the European one, tells about historical development of merchant guilds and causes of their decline. He stresses their significant role in the rapid national entrepreneur class development in Ukraine.

Актуальность изучения истории предпринимательства в Украине, сфер и направлений этой деятельности и ее традиций обусловлена целым рядом причин. Без знания истории предпринимательского дела, без обобщения и творческого использования в нынешних условиях опыта отечественных торговцев, промышленников и банкиров невозможны формирование нового типа хозяйственника-предпринимателя и цивилизованная перестройка национальной экономики.

Значимость изучения истории предпринимательства объясняется также необходимостью снять давнее клеймо, тяготеющее над отечественными предпринимателями с досоветских времен. В массовом сознании до сих пор сохраняется предубежденность по отношению к собственнику, широко распространены навеянные классической литературой образы предпринима-

телей как хищных, ограниченных, деспотичных людей. Коммунистическая пропаганда преуспела в том, чтобы закрепить стереотип капиталиста-эксплуататора, а отдельные непривлекательные черты современного бизнеса только усугубляют подобные представления о предпринимательстве. Поэтому одной из важных задач современной исторической науки является освещение действительной сущности украинского предпринимательского класса, лучшие представители которого, такие как Терещенко, Ханенко, Семиренко, Харитоненко, Яхненко, обладали и острым умом, и чувством рыночной конъюнктуры, и, что главное, прекрасно осознавали связь между личным благосостоянием и общественными интересами.

Советская историко-экономическая литература откровенно игнорировала исполненные уважения к первым предпринимателям слова Ф.Энгельса: "...они были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными" [1, с. 326]. В советских энциклопедических изданиях, за редким исключением, вообще отсутствовало понятие "предприниматель". Только Малая Советская Энциклопедия определяла предпринимателя как капиталиста, эксплуатирующего трудящихся, как враждебный пролетариату и другим трудящимся классам социальный тип. В противовес этому выдающийся лексикограф В.Даль характеризовал деловитого торговца как предприимчивого, способного к крупным сделкам, "смелого, решительного и отважного на дела этого рода" человека [2, т. 3, с.388].

Понятия "предприниматель", "капиталист", "буржуа" в социальном смысле являются почти синонимами, но в историческом контексте их следует различать. В.Даль так определял эти понятия: предприниматель — это тот, кто организывает, осуществляет что-то; капиталист — богач, имеющий много денег, а буржуазия — среднее сословие, торгово-ремесленный люд в целом [2, т.1, с. 143; т.2, с.219; т.3, с.388]. Такие дефиниции отражали не только лингвистическую традицию Российской империи, но и общественные представления того времени. Лишь в конце XIX века в публицистике и научной литературе начинает утверждаться универсальное определение "капиталист" для характеристики всех тех, кто в системе рыночных отношений выступал владельцем средств производства и творцом новой буржуазной реальности. Однако до революции 1917 года наиболее распространенным термином для определения предпринимателя было слово "купец".

В социально-экономическом смысле понятия "купец" и "купечество" и в Украине, и в России издавна употреблялись применительно к крупной буржуазии. Купеческое звание было определением общественной группы, указывало на место человека в классовой структуре общества, на принадлежность к конкретному сословному разряду в рамках определенной сословно-иерархической системы. Понимание взаимосвязи и различия между социально-экономическими и законодательно-нормативными признаками этой категории крайне важно для изучения истории украинской буржуазии.

Понятие "купец" в законодательстве Российской империи, в составе которой до 1917 года находилась большая часть украинских земель, появилось в XVIII веке и сначала означало предпринимателя-торговца. По мере расширения рыночных связей, усложнения форм хозяйственной деятельности и изменения законодательства, регулировавшего социально-экономический статус купечества, в эту сословную группу вошли представители всех форм и видов предпринимательства. С того времени и вплоть до 1890-х го-

дов принадлежность к купеческому сословию законодательно определяло занятие не только торговлей, но и другими промыслами. И лишь после принятия в 1898 году закона о государственном промысловом налоге получение предпринимателем купеческого звания утратило обязательность. Именно с тех пор прерывается прямая связь между получением промыслового свидетельства для занятий предпринимательством и получением гильдейских документов [3; 15].

Таким образом, история украинского предпринимательства на протяжении почти двух веков была неразрывно связана с сословно-корпоративными обществами — купеческими гильдиями. Становление и развитие деловой инициативы в Украине происходили в границах и правовом поле Российской империи, причем важнейшие рычаги управления находились в руках дворянства или генетически связанной с ним бюрократии. Основы сословно-корпоративной организации украинского купечества были заложены именно в XVIII веке, когда вследствие ограничения политической автономии Украины на нее распространилось сословно-иерархическое устройство российского абсолютистского государства.

В историко-экономической литературе обычно подчеркивают тот факт, что реформы царя Петра I обеспечили качественный скачок в развитии производительных сил Российской империи, равный по своему значению индустриализации советского периода. Тогда же Российское государство впервые в больших масштабах предъявило спрос на предпринимательскую деятельность. Но при этом в XVIII веке роль государства в экономике чрезвычайно возросла. Владея огромными материальными и финансовыми ресурсами, а также правом неограниченного пользования землей и ее недрами, государство взяло на себя регулирование всего связанного с процессом производства и обмена — от расположения предприятий и номенклатуры изделий до разработки правил реализации продукции. Собственно, тогда же была предпринята попытка создания государственной, “регулярной” экономики, которую два века спустя назовут государственно-монополистической, или административно-командной. Для развития хозяйства Украины, только что принудительно интегрированного во всероссийский рынок, это имело крайне негативные последствия.

Прежде всего, привлекает внимание упорное стремление Петра I создать наряду с государственной промышленностью, сконцентрированной на казенных мануфактурах, аналогичным образом организованную торговлю. С целью получения максимальных прибылей от продажи самых ходовых товаров он установил государственную монополию на заготовку и сбыт хлеба, пеньки, смолы, поташа, сала, воска, железа, которыми издавна торговали в Украине. Подобное ограничение торговой деятельности, какого украинское купечество не знало со времен Речи Посполитой, обусловило разлад и дезорганизацию внутреннего товарооборота, подавление свободного, основанного на рыночной конъюнктуре предпринимательства.

Разрушительные последствия имело и принудительное создание купеческих компаний. Последние привлекали Петра I не только широким размахом дела и объединением купеческих капиталов, но и тем, что вовлеченные в них купцы оказывались связанными круговой порукой и общей ответственностью перед государством. Создавались такие компании на сугубо бюрократических основаниях. Назначаемый царем чиновник имел право

включать в них на свое усмотрение любого именитого купца, даже вопреки его желанию. Отказ от вступления, а тем более самовольный выход из компании угрожали купцам большим штрафом, а то и тюрьмой. Добровольно же в компании купцы не вступали, поскольку согласно государственному статуту они не могли там получать более 5–10% прибыли, что не соответствовало ни затратам, ни коммерческому риску [4, с. 59].

Эти примеры изобличают политику беспощадной эксплуатации купеческого сословия в период петровских реформ, хотя именно за счет купечества, используя его профессиональные навыки, российское самодержавие решало сложнейшие экономические и военно-политические проблемы. Даже таможенный тариф 1724 года, предоставляя купцам значительные таможенные льготы, одновременно сохранял жесткие ограничения в отношении товаропотоков и поступающих на рынок видов товаров.

Аналогичными фискальными соображениями, стремлением установить государственный контроль над всей сферой деловой активности было обусловлено и введение нового сословного деления городского населения. В результате начатой еще в 1699 году реформы была разрушена прежняя, относительно закрытая купеческая корпоративная система (выделявшая среди жителей городов торговую элиту “гостей” и членов “гостинной” и “суконной” сотен) и введены новые сословия, формировавшиеся в соответствии с реальным экономическим положением [5, с. 208].

Настоящей целью этой реформы, несмотря на декларируемое петровским указом благородное намерение “всего российского купечества рассыпанную храмину паки собрать”, было иное соображение — “чтобы везде из того простиралась настоящая государственная польза” [5, с. 208]. В переводе на экономический язык последняя формулировка означала не что иное, как стремление самодержца “создать надежное тяглое сословие и надежных поставщиков казны” [6, с. 4]. А чтобы “купецкие люди” не разорялись от поборов приказных и ратных служб и “казне Великого Государя было пополнение”, по указу Петра создавалась система городского самоуправления, городам предоставлялось право, “буде они похотят”, освобождаться от власти местных воевод и регулировать жизнь на основе решений выборных органов (земских изб и магистратов) [7, с. 34]. При этом царь меньше всего заботился о защите торгового люда от бесчинств местных властей, стремясь направить поток купеческих капиталов в бездонную государственную казну.

На основании реформы регулярные граждане (так отныне назывались жители городов) были разделены на две гильдии с различными квотами представительства в органах самоуправления. К первой гильдии регулярных граждан были отнесены (за исключением дворян и хлебопашцев) купцы (оптовики и бывшие “гости”), художники, ученые, мореплаватели и врачи. Ко второй — мелкие торговцы и ремесленники, названные в указе “подлыми гражданами”. За пределами гильдий остались “подлые люди” — поденщики, приказчики и рабочие [7, с. 35].

Однако надежды на то, что реформа освободит купечество от притеснений местной бюрократии, не оправдались. Тем более, что царь и не намеревался ускорить процесс формирования в стране торгового сословия со всеми правами купечества хотя бы в экономической сфере. Заимствуя у Запада только технический и фискальный аспекты развития, Петр не пожелал выпускать из-под своей жесткой опеки контроль над источниками и масштаба-

ми купеческих капиталов. А главное — он не вывел купцов из тяглого сословия, обязав их платить подушную подать наравне с крепостными крестьянами. Купечество было освобождено от многих таможенных пошлин, ему предоставлялась возможность широкого выхода на европейские рынки. Однако внутри государства ему была отведена жалкая роль экономической служанки реформаторских инициатив Российской империи. Не удивительно, что основная часть экономических новаций Петра I почилла вместе с ним. Указом от 24 февраля 1727 года Екатерина I фактически упразднила городскую реформу, признав ее несостоятельность и даже вредность [7, с. 36]. Тогда же была создана особая “Комиссия по коммерции”, которой вменялись в обязанности изучение причин упадка торговли и выработка мероприятий по оживлению этой важной области хозяйственной жизни страны.

Следующая попытка организационного оформления купеческого сословия была предпринята уже в 40-х годах XVIII века. Согласно указу Елизаветы I в 1742 году были образованы три купеческие гильдии. Формально корпоративное разделение купеческого сословия осуществлялось по двойному — функционально-имущественному принципу. Но фактически учитывали только функциональный — по виду торговли. Российское государство по-прежнему руководствовалось сугубо фискальными соображениями, поскольку виды торговли определяли размеры доходов [7, с. 37–38]. Гильдийная система заметно оживила предпринимательскую деятельность, приобщив к этой сфере представителей различных социальных слоев, в том числе и множество лиц “подлого звания”. К тому же эта система повысила социальный статус купечества, его роль в глазах общества. Тем не менее гильдии не дали ожидаемого государством эффекта, не обеспечили увеличения поступлений в государственную казну. Созданные с единственной целью — упорядочить поступления налогов со среднего сословия, они не коснулись унижительной для купеческого сословия “сорокаалтынной” подушной подати.

В середине XVIII века купечество, в частности Левобережной Украины, начинает активно добиваться от государства закрепления собственной монополии на ведение торговых операций, и согласно Торговому уставу 1755 года крестьянам было запрещено торговать в “ближнем от городов расстоянии” [8, с. 38]. Купечество, таким образом, постепенно становилось привилегированной категорией населения, с довольно сильными чертами сословной обособленности.

Новый этап в развитии отечественного торгового предпринимательства и корпоративной организации купечества начался в последней четверти XVIII века. “Просвещенная самодержица” Екатерина II, под явным влиянием учения французского Просвещения, проявила себя убежденной сторонницей свободной от жесткого контроля государства торговли. Во времена ее правления было упразднено множество указов и регламентов петровских времен, ущемлявших торговлю и деловую инициативу купечества. Расширив личные и индивидуальные права купеческого сословия, Екатерина II также освободила его от уплаты подушной подати, то есть от “большого невольничества”, как писали в ходатайствах к царице сами купцы. В ее знаменитом “Указе” содержалось весьма четкое указание о том, что “торговля оттуда удаляется, где ее притесняют, и вводится там, где ее покой не нарушают” [4, с. 66].

Полезным для украинских купцов оказалось и негативное отношение императрицы к торговым увлечениям дворянства, которому специальным

указом 1790 года было запрещено записываться в купеческие гильдии. Значительный резонанс, в частности, вызвал в обществе ее категорический отказ в прошении о вступлении в I купеческую гильдию генерал-фельдмаршалу С.Апраксину, которого царица публично назвала “безумцем”. “Противно существу торговли, — писала она в своем “Указе”, — чтобы дворянство оную в самодержавном правлении делало; погибельно было бы сие для городов... Противно и существу самодержавного правления, чтоб в оном дворянство торговлю производило” [7, с. 55]. (Гораздо благосклоннее Екатерина II относилась к дворянскому промышленному предпринимательству.)

Сторонница учения французских физиократов, Екатерина в переписке с великими просветителями высказывала решительное намерение преобразовать социально-экономическое устройство империи на основе экономического либерализма. Стремясь укрепить российскую императрицу в ее намерениях, Дени Дидро прямо подсказывал своему вельможному адресату один из перспективных социальных ориентиров. В изысканно-льстивой форме он писал императрице: “Насколько возможно частному человеку постичь мысли государя и обыкновенному человеку понять мысли гениального, я вижу, что Ваше Величество потихоньку стремится к созданию третьего сословия” [6, с.21–22]. Екатерина умела ценить хорошие идеи, особенно те, что не противоречили ее замыслам. Всячески укрепляя положение дворян в империи, она в то же время весьма энергично приступила к “насаждению” и “размножению” нового для феодально-крепостнического государства сословия “среднего рода людей”, то есть буржуазии.

Политика ускоренного формирования третьего сословия, преобразования купечества в привилегированный, обособленный слой общества, нашла окончательное выражение в царском Манифесте 1775 года, возвестившем начало новой городской реформы. Реформа юридически закрепила деление городского населения на мещан и купцов (дворянство оставалось отдельной элитной социальной группой). В среде купечества выделялись три гильдии (к тому времени уже полностью оформившиеся на практике). В основу гильдийского деления был положен имущественный принцип — по объявленному капиталу, то есть обычная регистрация декларированного купцами имущественного состояния. В 1775 году размеры объявленного капитала, достаточного для включения в торговую корпорацию, составляли: для первой гильдии — 10 тыс. руб.; для второй — 1 тыс. руб.; для третьей — 500 руб.

Манифест 1775 года фактически закреплял имущественный ценз на право быть занесенным в купеческое сословие — 500 руб. “Мещанам, кои не имеют капитала свыше 500 рублей” велено было “впредь не называться купцами, но переименовывать их мещанами... кои же из мещан... расторгнутся и капитал свой умножат свыше 500 рублей, тех вписывать в купечество” [8, с.38]. Этим же актом купечество освобождалось от подушной подати, вместо которой должно было платить ежегодно по одному проценту с объявленного капитала, то есть, соответственно, по 100, 10 и 5 руб. Этот принцип налогообложения купечества просуществовал вплоть до 1863 года. Только в 1824 году в нем появились незначительные дополнения, когда были введены специальные таможенные пошлины для получения свидетельств на право торговли и билетов на магазины.

В документах относительно деления купечества на гильдии по принципу дифференцированного налогообложения привлекает внимание психологи-

ческое содержание формулировки: “капиталы, по совести объявляемые”. Настолько доверительно крепостническое государство еще никогда не обращалось к подданным империи. Купечество само относило себя к конкретной торговой корпорации. Вместе с тем Манифест Екатерины II 1775 года имел глубокое экономическое содержание. Российская императрица не была столь наивной, чтобы апеллировать исключительно к совести профессиональных торговцев. Для каждой гильдии устанавливались тщательно дифференцированные по рангу привилегии. Вот почему, как свидетельствуют архивные данные, украинские и российские купцы учинили настоящую погоню за гильдийскими званиями, хотя входные билеты в эти корпоративные общества стоили в то время недешево. В сущности, царским Манифестом 1775 года (подкрепленным Городским положением 1785 года) в тщательно завуалированной, но все же заметной форме утверждалось право абсолютистского государства торговать как экономическими, так и социальными привилегиями.

“Грамотой на права и выгоды городам Российской империи” 1785 года окончательно закреплялось монопольное право купцов на торговлю, получение государственных подрядов и откупов. Купцы первой гильдии получили право вести “всяческий торг” на внутреннем и внешних рынках, оптом и в розницу, заниматься промышленным предпринимательством (“заводить заводы и фабрики”), владеть морскими торговыми судами. Купцам второй гильдии разрешалось торговать исключительно в пределах империи (оптом и в розницу), заниматься промышленным производством и иметь речные суда. Наконец, купцы третьей гильдии могли вести только мелкую торговлю, содержать бани, постоялые дворы, харчевни, небольшие речные суда, “станы и рукоделия” [8, с. 39].

Торговая деятельность, таким образом, была детально регламентирована, причем наиболее многочисленное купечество третьей гильдии значительно ограничивалось в предпринимательских правах в отличие от привилегированного положения купцов первой и второй гильдий. Подобные меры трудно оценить однозначно. С одной стороны, в условиях господства самодержавно-сословного режима выделение купечества в корпорацию, наделенную определенными правами и привилегиями, защищало “торговых людей” от произвола чиновников и дворянской элиты. Однако, как всякий экономический регламент, система гильдий создавала ограничения, которые потенциально сдерживали развитие торговли и предпринимательской инициативы.

“Грамотой” 1785 года купечество фактически освобождалось от рекрутской повинности, которую оно теперь могло оплатить. Кроме того, представители крупного торгового капитала — купцы первой и второй гильдий были освобождены от телесных наказаний и солдатских постоев; им предоставлялось право свободного передвижения и проживания на всей территории страны, а также право быть награжденными орденами и чинами “за оказанные Отечеству особо важные заслуги” [7, с. 40]. Купцам первой гильдии предоставлялись даже сугубо дворянские привилегии — являться при императорском дворе при шпаге (в отечественной одежде — при сабле), носить губернские мундиры и т.п.

Реальная возможность быстрого продвижения по социальной лестнице не только поощряла купечество вступать в корпоративные общества, но буквально вскружила головы многочисленным представителям украинских купеческих семей. Массовым стало явление, когда купцы “по совести”

декларировали завышенные размеры своих капиталов, лишь бы перейти на высшую ступень гильдийской иерархии, получить орден, почетное звание или дворянство. Абсолютистское государство, наученное опытом фискальных реформ XVIII века, удачно играло на амбициях торгового люда, поощряя его платить как можно более высокие налоги. Показательной в этом плане была введенная Екатериной II забавная, но, как быстро выяснилось, экономически эффективная дифференциация бытовых привилегий купечества. В частности, купцам первой гильдии разрешалось развезжать по городу на паре лошадей в карете, купцам второй гильдии — в коляске, а третьей — в возке, да и то на одной лошади. Благодаря подобным “мерам” правительству удалось добиться ожидаемого увеличения поступлений в государственный бюджет [7, с. 41]. По крайней мере купцы, способные вести предпринимательскую деятельность только в рамках гильдий и к тому же заинтересованные во вступлении в высшую из них, вовсе не пытались утаивать ни размеров оборотов капитала, ни прибылей.

Согласно “Городскому положению” 1785 года “средний род людей” заносился в шесть магистратских книг, в частности купечество — во вторую. Однако в этом городском номенклатурном реестре была и особая — пятая книга, в которую записывали купеческую элиту как именитых граждан. Эти звания купцы могли заслужить продолжительной и преданной службой в органах городского самоуправления, значительными капиталами и торговыми оборотами (размер объявленного капитала для купцов не должен был быть менее чем 50 тыс. руб., а для банкиров — 100–200 тыс. руб.) и даже получением высшего образования [7, с. 40]. Звание “именитый гражданин” всего на шаг отдаляло купцов от дворян — единственного действительно привилегированного сословия общества.

Государственная политика морального поощрения торговли и деловой активности купцов нашла отражение и в других законодательных актах. В 1800 году купцам первой гильдии и именитым гражданам была предоставлена возможность после двенадцатилетнего непрерывного пребывания в составе купеческой корпорации получать почетное звание Коммерции-советника, в 1824 году — Негоцианта (для купцов, занимавшихся обширной заморской торговлей) и Банкира. Привилегированное положение купечества проявлялось также в пожаловании выдающимся представителям предпринимательского класса личного и наследственного дворянства. В начале XIX века вместо упраздненного института именитых граждан было основано “первостатейное купечество”. Обладателей этого почетного звания заносили в так называемую Бархатную книгу “с целью увековечить память знатных купеческих родов” [8, с. 39]. В 1832 году для представителей третьего сословия было установлено звание “почетный гражданин”, а купцы первой гильдии, находившиеся в ее составе не менее 12 лет, получили право на звание Мануфактур-советников.

Учреждение сословно-корпоративных торговых обществ — купеческих гильдий создало реальные экономические, социальные и правовые условия для оформления купечества в самостоятельное сословие, на основе которого в Украине зародился и начал быстро развиваться класс отечественных предпринимателей. Характерной особенностью нового купечества, отличавшей его не только от предыдущих торговцев, но и от института гильдий Западной Европы, было то, что оно составляло “открытую корпорацию”.

Принадлежность к купеческому сословию не была не только наследственной, но даже пожизненной и подлежала ежегодной “аттестации” путем уплаты гильдийского сбора (1% от объявленного капитала). Коммерческие неудачи, ухудшение экономической конъюнктуры и, соответственно, невозможность своевременно уплатить гильдийский сбор нередко вынуждали купцов оставлять гильдии и присоединяться к сословию мещан.

Еще одной особенностью, присущей украинскому купечеству конца XVIII – начала XIX веков, была дискретность социальной эволюции, отсутствие исторической преемственности в развитии. Отечественные купеческие гильдии, в отличие от западноевропейских, не имели никаких атрибутов кастовой, закрытой корпорации — традиционного уставного документа, поручительства для приема в гильдию, обязательного испытательного срока, корпоративных церемоний и т.п. Сословие было полностью открытым для приема в него новых членов, а процедура вступления — крайне упрощенной: необходимым условием была уплата государственного налога, то есть гильдийского сбора.

Границы между отдельными слоями городского населения стали весьма условными, если не прозрачными. Законодательно закреплённая открытость купеческой корпорации облегчила приток в нее новых членов, а отсутствие сословной преемственности (оставалась только преемственность капитала) не способствовало формированию купеческого патрициата и ограничивало возможности внутреннего воспроизводства сословия. Хотя купеческие династии в Украине часто были достаточно сильными экономически, они не всегда отличались устойчивостью. Продолжительность купеческого рода ограничивалась, как правило, двумя-тремя поколениями.

Дореформенному купечеству Украины было свойственно стремление вкладывать приобретенные путем торговли капиталы в промышленность. Это явление довольно ярко характеризует менталитет отечественного торговца. В условиях относительной нестабильности, присущей феодально-крепостнической системе, приобретение или строительство новых промышленных предприятий считались самыми надежными инвестициями, обеспечивающими прочность существования купеческой семьи. По подсчетам И.Бровера, городские предприятия в Украине, которые он, с некоторыми оговорками, относил к купеческим, составляли 50% от общего количества, а в 1861–1862 годах — 72% [9, с. 33, 82].

Упадок многих купеческих семей обуславливали экономические причины. Разоренные или обедневшие опускались на низшую ступень социальной лестницы и записывались в мещанство. В то же время наиболее удачливые предприниматели не задерживались в торгово-промышленном сословии. “Табель о рангах” открывал обогатившимся купцам путь во дворянство. Новые дворяне, за редкими исключениями, оставляли занятия предпринимательской деятельностью, а их дети поступали на военную или гражданскую службу. Характерно, что даже те купцы, которым не удавалось повысить свой социальный статус, в XIX веке путем браков своих дочерей стремились породниться с привилегированным сословием.

В этих условиях основным источником пополнения и воспроизводства купеческого сословия стали даже не мещане, а предприниматели, вышедшие из крестьянской среды. Вступление в купеческую гильдию было для них не просто обязательным условием получения юридического разреше-

ния на предпринимательскую деятельность, но и своеобразной социальной “нобилитацией”. Известнейшие украинские торгово-промышленные династии XIX — начала XX веков были основаны именно выходцами из крестьян [5, с. 211]. Как убедительно доказал выдающийся украинский экономист М.Туган-Барановский, ядро отечественной торгово-промышленной буржуазии образовалось именно из представителей крестьянства, преимущественно в первой трети XIX века, который он назвал “золотым веком фабрикантского класса” [10, с.79–82, 199, 202].

Путь к статусу предпринимателей для крестьян был тернистым, и лишь немногим удавалось его пройти. Тем не менее существует множество примеров мелкого и среднего предпринимательства крестьян, которые становились владельцами мельниц, маслобоен, жиротопильных, шерстмоющих, ткацких и гончарных предприятий и т.п. Их владельцами в Украине были преимущественно свободные крестьяне — потомки казаков, государственные крестьяне, колонисты. Часть из них, накопив определенный капитал торгово-промышленной деятельностью, переходила в сословие купечества. В конце 30-х годов XIX века только из разряда государственных крестьян Украины в купеческие гильдии ежегодно записывалось свыше 200 человек [11, с. 75].

Трехступенчатая гильдийская система просуществовала до 1863 года, когда была упразднена слишком многочисленная для корпоративного общества третья гильдия. Первая и вторая гильдии формально просуществовали до 1917 года, хотя задолго до этого утратили свое прежнее практическое значение. В частности, рубежом в определении социальных преимуществ купеческого сословия стал 1874 год, когда был аннулирован рекрутский набор и введена всеобщая воинская повинность.

Развитие украинского купечества в рамках экономического и правового поля российского феодально-абсолютистского государства негативно сказалось на его исторической судьбе и наложило ощутимый отпечаток на дальнейшую эволюцию отечественной экономики. Поскольку предпринимательство во все времена существовало в двух экономических режимах (авторитарно-регулятивном и свободнорыночном), то для развития хозяйства Украины в конце XVIII и в XIX веке был характерен именно авторитарно-регулятивный режим. Это означало, что украинский купец-предприниматель постоянно находился под жестким контролем абсолютистского государства, которое через систему государственных монополий и прямых налогов не только изымало значительную часть его доходов, но и определяло нужные ему направления, формы и объемы предпринимательской деятельности. По этой причине украинский предприниматель мог гораздо успешнее реализовать себя именно в торговле, где было проще и быстрее сделать деньги, а также скрыть их от власти.

Пореформенный период справедливо считают эпохой расцвета украинского предпринимательства. Впервые за всю свою историю купечество получило возможность свободного развития, реализации заложенных в нем деловых качеств. Это явилось серьезным фундаментом для подъема отечественной экономики. И хотя по уровню экономического развития Украина еще отставала от ведущих мировых индустриальных центров, по темпам прироста промышленного производства и товарооборота она им уже не уступала.

Но российской, а следовательно, и украинской системе частного предпринимательства все еще были присущи черты, отличавшие их от стран

классического капитализма. В отличие от Англии, Франции, США и даже Германии, где во времена экономического либерализма государство выступало защитником общества со всей системой его ценностей (в частности свободы предпринимательства), в Российской империи ему по-прежнему принадлежала ведущая роль в определении экономических приоритетов развития страны. Государство не просто разрабатывало экономическую политику и диктовало свою волю частным предпринимателям путем казенных заказов, финансовых инвестиций и таможенной политики, но и само являлось владельцем значительной части экономических ресурсов страны. Капитализм в Украине, как и в целом в Российской империи, изначально формировался как государственно-регулируемый, не прошедший (за исключением отдельных отраслей добывающей промышленности) стадии свободной конкуренции и, соответственно, не обусловивший создания настоящего класса собственников-предпринимателей.

Царские реформы 60–70-х годов XIX века внесли целый ряд изменений в действующее торговое право. Например, законы 1863 и 1865 годов устанавливали принцип бессословности и равенства всех дееспособных граждан в занятиях торговлей и промышленностью. Так, статья 21 “Положения о таможенных пошлинах на право торговли и иных промыслов” 1863 года определяла, что купеческие и промышленные свидетельства могут выдаваться “подданным всех сословий”. Однако согласно статье 12 закона 1865 года оптовая и розничная торговля, основание заводов и фабрик оставались преимущественным правом купеческого сословия. И только в конце XIX века, с принятием нового положения о государственном промысловом налоге были окончательно упразднены сословные привилегии на все виды предпринимательской деятельности, а занятие торговлей и промышленностью стало независимым от получения купеческого звания [12, с. 21, 28, 31].

Незавершенность буржуазных преобразований в экономике Украины порождала питательную почву для исторических аномалий, в частности совпадения во времени промышленного переворота, корпоратизации производства и сохранения методов первоначального накопления капитала. Во второй половине XIX века торговый капитал сохранял огромный вес, а его доходы в первые пореформенные десятилетия были почти тождественны доходам времен первоначального накопления [11, с. 77]. Это и обусловило сохранение экономического могущества купечества.

В отличие от промышленности, где в это время вместо прежних единоличных предприятий утверждались партнерства и акционерные компании, купеческое сословие не теряло своей относительно большей персонифицированности в предпринимательстве. Для выяснения участия разных социальных групп в предпринимательстве большое значение имеют материалы промышленного налогообложения, которые начиная с 1867 года публиковались в “Ежегоднике Министерства финансов”. В частности, приведенные данные за 1873 год характеризуют состояние гильдийского предпринимательства в Украине в первые пореформенные десятилетия.

В 1873 году в Украине было выдано 625 купеческих свидетельств первой гильдии и 17,4 тыс. — второй, что составляло 21,4% от общего количества гильдийских удостоверений, выданных на территории Европейской России. Хотя эти цифры весьма условно отражают увеличение численности купцов-предпринимателей (один владелец мог приобрести несколько патентов),

тем не менее вместе с данными промышленной статистики свидетельствуют о размахе, глубине и неравномерности распространения предпринимательства, а также определенных соотношениях между крупной и мелкой буржуазией.

Удостоверение первой гильдии и 1 и 2 классов второй, которые давали купечеству право на предпринимательскую деятельность, касались крупных торговых и промышленных заведений. Таких в Украине было выдано в 1873 году 4,2 тыс., или 18% от выданных в Европейской России. Удостоверения от 3 до 5 класса включительно получали купцы — владельцы мелких и средних предприятий. Эта категория получила 13,8 тыс. свидетельств (23% от всего количества полученных в Европейской России), и в первую очередь в губерниях Юга Украины и на Правобережье. Несколько слабее, как свидетельствуют статистические данные, купеческое предпринимательство было развито на Левобережье, в том числе на Полтавщине. Однако в целом по отношению ко всему гильдийскому предпринимательству лидером выступал Юг, на который приходилось 42,6% выданных в Украине свидетельств. Доля Правобережья и Левобережья составляла, соответственно, 32,1% и 25,3% [15, с. 80]. Однако на Левобережье и Правобережье, где существовала социальная почва для мелкого предпринимательства, большим спросом пользовались свидетельства на право заниматься мелкими промыслами. Впрочем, последние не давали права на ведение торговых операций, все еще остававшихся монополией объединенного в гильдии купечества.

Возможность вступления в купеческое сословие, разделенное с 1863 года на две гильдии, имели только по-настоящему богатые люди. В частности, право на членство в первой гильдии и приобретение соответствующих корпоративных свидетельств имели предприниматели, покупавшие промышленные патенты на торговые предприятия первого разряда, промыслы первых трех разрядов или на пароходство, за содержание которого платили свыше 500 руб. годового промышленного налога. Имущественный ценз для вступления во вторую гильдию был несколько ниже. Для получения соответствующих корпоративных документов необходимо было получить патент на торговое предприятие второго разряда, промыслы 4–5 разрядов или пароходство, за содержание которого следовало платить от 50 до 500 руб. промышленного налога в год [13, с. 532–533]. Таким образом, купечество было единственным сословием страны, вступление в которое зависело исключительно от ежегодной уплаты определенного денежного сбора в пользу государства.

Хотя стоимость самих гильдийских документов была сравнительно невысокой: 50 руб. для первой и 20 руб. для второй гильдий (с 1906 года цена была повышена, соответственно, до 75 руб. и 30 руб.), тем не менее вместе с сопутствующими сборами эта сумма достигала весьма значительных размеров и была доступна лишь по-настоящему богатым людям. Например, в 1913 году, чтобы пользоваться правами одесского купца первой гильдии, нужно было платить в пользу государства ежегодно более 800 руб. Значительной была стоимость купеческих званий и в других крупных торговых-промышленных городах Украины [14, с. 22].

После принятия в 1898 году закона о государственном промысловом налоге прерывается прямая связь между получением промыслового свидетельства для занятий предпринимательством и получением гильдийских документов. Вместе с тем сам гильдийский сбор из основного промышленного налога превратился в сбор сугубо за принадлежность к купеческому сосло-

вию [3; 15]. Получение гильдийских сословных свидетельств стало добровольным, а на вступление в купечество по-прежнему не требовалось согласия купеческой общины.

Это сразу привело к резкому сокращению численности купеческого сословия. Только в 1899 году оно уменьшилось почти вдвое. Одновременно в корпорации произошли и качественные изменения: из купечества начали выходить крупнейшие предприниматели страны. Этот процесс, начавшийся еще в первые пореформенные десятилетия, ощутимее всего сказался в начале XX века. Так, в 1899 году в Российской империи было выдано 2,3 тыс. патентов на промышленные предприятия первых трех разрядов и около 8,0 тыс. — на торговые предприятия первого разряда, то есть свыше десяти тысяч документов, дававших право на получение купеческих документов первой гильдии. Вместе с тем к началу 1899 года их было выдано около четырех тысяч [16, с. 137, 156, 175]. Общее количество купеческих сословных документов, выданных в 1899–1900 годах, составляло всего 4% от числа проданных промышленных свидетельств. А в 1901–1902 годах этот показатель сократился до 3,5% [14, с.20].

Согласно переписи населения 1897 года на территории Российской империи проживало 281,3 тыс. купцов (вместе с членами их семей), что составляло примерно 0,2% общей численности населения. Преобладающая часть купечества была сосредоточена в районах с высоким уровнем развития промышленности и торговли. К примеру, в Украине, в Киевской губернии их было зарегистрировано 11,9 тыс. человек, в Херсонской — 12,3 тыс., в том числе в Одессе — 5,0 тыс. человек. Высшие показатели имели только Петербургская (23,4 тыс. человек) и Московская (20,0 тыс. человек) губернии [17, с. 18].

Однако в конце XIX — начале XX века численность купечества уже не находилась в прямой связи с уровнем промышленного или торгового развития страны. На то время купеческая корпоративная организация объединяла сравнительно небольшой слой имущих людей, многие из которых вообще не имели отношения к предпринимательству. В этом сословии оставались представители семей, несколько поколений которых традиционно имели купеческие звания, и те, кто путем приписки к купечеству, к этому городскому среднему разряду получал возможность уменьшить административные притеснения. Распространенным становится также приобретение купеческих сословных свидетельств для “звания”, обусловленное социальной психологией тогдашних зажиточных слоев, сформированной в условиях иерархического общества. Численность таких “условных купцов” была довольно значительной, особенно во второй гильдии [14, с.20–21]. В частности, это касалось ограниченных в правах представителей еврейской национальности.

На лиц, вступающих в купеческую корпорацию, распространялись сословные права и привилегии. Тем не менее в пореформенный период, после введения всеобщей воинской повинности и упразднения подушной подати сословные привилегии купечества имели в основном декоративный характер. Среди них, в частности, ценились такие, как право быть приглашенными ко двору, носить шпагу, губернский мундир, право на награждение орденами и медалями империи и т.п. Причем эти сословные привилегии распространялись почти исключительно на купцов первой гильдии, которые согласно закону составляли “особый класс почетных людей в государстве”. Лица, носившие эти звания не менее 12 лет, могли получать “за уважение к особым заслугам в распространении торговли” звание Коммерций-советни-

ков, а за “отличия в мануфактурной промышленности” — Мануфактур-советников. В свою очередь, лица, удостоенные этих званий, награжденные орденами, а также купцы, которые состояли в первой гильдии не менее 20 лет, имели право на высшее городское сословное звание наследственного “почетного гражданина” [13, ст. 552, 554].

Единственным реальным преимуществом, распространявшимся в конце XIX — начале XX века на все купечество, была так называемая паспортная льгота, освобождавшая его представителей от необходимости приписки, обязательной для крестьян и мещан [14, с. 23]. А лицам еврейской национальности купеческое свидетельство давало право на проживание за чертой оседлости, возможность приобретения недвижимости в крупных городах и промышленных центрах.

Купеческое сословие имело свою корпоративную организацию на местах в форме собраний выборных и сословных старшин, а три крупнейших купеческих общества — Петербурга, Москвы и Одессы — находились в ведении купеческих управ. Но права и обязанности этих сословных организаций были детально регламентированы, а их деятельность находилась под постоянным надзором абсолютистского государства. До 1905 года они подчинялись Министерству внутренних дел, а позже — Министерству труда и промышленности. В круг их обязанностей входило ведение гильдийского семейного учета, предоставление государственным органам различных справок по поводу лиц купеческого звания. Однако основные функции управ заключались в сборе разнообразных взносов с владельцев сословных и промышленных свидетельств. Купеческие общества в крупных городах Украины — Киеве, Харькове, Одессе — имели значительную недвижимость и капиталы, доходы от которых широко использовались на благотворительные цели.

Как уже отмечалось, в начале XX века купечество объединяло весьма разнородные социальные элементы. Причем действительно крупных предпринимателей в его составе оставалось очень мало, а большинство дельцов вообще не имели к купеческой корпорации никакого отношения. Немало их принадлежало к высшему городскому сословию — “почетных граждан” (личных и наследственных), основанному в 1834 году. Наиболее престижным и вместе с тем оптимальным для предпринимательской деятельности в условиях сословно-иерархической структуры дореволюционного общества считалось звание наследственного “почетного гражданина” (распространявшееся и на членов семьи предпринимателя). Заметим, что поначалу это сословное звание было отличием главным образом именно купечества. Его могли удостоиваться купцы первой гильдии после 10 лет “пребывания в гильдиях” и второй — после 20 лет. С 1865 года это поощрение стало исключительно прерогативой купцов первой гильдии, имевших “стаж” не менее 20 лет.

Россия, а с ней и Украина намного позже вступили на путь капиталистической эволюции. Развитие рыночной экономики в государстве тормозили многочисленные феодальные пережитки. В обществе сохранялось характерное для времен первоначального накопления капитала предубеждение против дельцов и предпринимателей, склонность отождествлять богатство и зло, предпринимательский характер и преступление. Много значили традиции российского менталитета, согласно которым издавна бедности не стыдились и она возводилась чуть ли не в ранг добродетели. Литературно-художественная традиция не отводила торговцу или промышленнику

роль положительного персонажа, а общественное мнение, сформированное в доиндустриальный период, всегда больше ценило честь, христианское благочестие, нежели богатство само по себе и любые формы коммерческого успеха. Поэтому предприниматели, утвердившиеся в деловом мире, вынуждены были соблюдать правила игры сословной архаической системы, всячески добываясь чинов, званий и дворянских титулов.

Чины и звания, в отличие от почетных званий, не только повышали общественную значимость и респектабельность предпринимателя, но и позволяли ему преодолеть сословно-социальную обособленность, а для национальных меньшинств означали возможность качественного изменения своего социального положения. Кроме того, они открывали купцам путь на государственную службу [14, с. 26].

Однако даже если родовитым дворянам приходилось бить поклоны перед купцом или банкиром, одалживать у них деньги или сотрудничать с ними в различных коммерческих начинаниях, то и тогда их отношение к предпринимателям определялось сословными предубеждениями в отношении “дельцов”. Вне деловой сферы, в повседневной жизни общение между “менялами” и “благородными господами” было минимальным. В пределах отдельных компаний они — акционеры и администраторы — были объединены общностью экономических интересов. Но вне этих границ, стоило закончиться заседанию правления или очередному собранию пайщиков, акционеров, контакты между ними прекращались. Крупному финансисту было легче заработать очередной миллион или основать компанию, чем получить приглашение на обед в аристократическом особняке. Эти сословные ограничения и предрасудки в обществе сохранялись, пока существовала Российская империя.

Деловые люди всячески пытались изменить антибуржуазные тенденции в Украине. Они строили школы и приюты для бедных, возводили церкви, выделяли огромные по тем временам деньги на университеты, музеи, библиотеки, картинные галереи. Следует заметить, впрочем, что эту сферу деятельности украинского купечества не стоит преувеличивать. Отдавая должное благотворительной и меценатской деятельности, учитывая реальные факты действительно бескорыстных пожертвований со стороны отечественных предпринимателей, следует помнить, что собственно предпринимателями их делало лишь целенаправленное и последовательное хозяйственное созидание. Творцами они выступали прежде всего в той сфере, где реализовывали свои человеческие качества, способности, интеллектуальный потенциал, где требовались решительность, знание рыночной конъюнктуры, трезвый расчет, умение видеть перспективу.

Крах тоталитаризма заострил в нашем обществе интерес к универсальным либеральным ценностям, основанным на политической свободе и инициативе индивида. Важнейшим условием существования гражданского общества, наряду с юридической защищенностью и правовой независимостью каждого его члена от государства, является экономическая независимость.

История мирового сообщества свидетельствует: чем выше уровень благосостояния государства, тем оно сильнее, тем менее подвержено внутренним социальным потрясениям. А фундамент благосостояния составляет именно личная, или частная собственность в различных ее формах.

История украинского купечества содержит много интересного и достойного изучения. Ни в одном государстве предпринимательство не испытывало

таких трудностей, как в Российской империи, особенно в советский период ее истории. Отождествленное с капиталистической эксплуатацией, с антиобщественными “частнособственническими пережитками”, оно считалось отжившим элементом хозяйственного устройства, подлежащим обязательному искоренению. Тем не менее опыт социалистического строительства в СССР свидетельствует о неукротимости присущей человеку тяги к самостоятельному экономическому созиданию. Несмотря на физическую ликвидацию представителей предпринимательского класса и другие средства подавления любых проявлений предпринимательской инициативы, весь послеоктябрьский период отечественной истории отмечен существованием специфических, суррогатных, искаженных, однако предпринимательских в своей основе образцов экономического поведения. Их можно обнаружить не только в период нэпа, но и в теневой экономике застойных времен, в осуществлявшихся в Советском Союзе экономических экспериментах, невозможных без новаторства и предпринимательской жилки. Даже в суровую сталинскую эпоху не удалось окончательно уничтожить мелкое ремесло и торговлю, что также являло образец частнопредпринимательской деятельности в жестких условиях тоталитарного режима. Унаследованный от прежних времен опыт образует реальный фундамент хозяйственного возрождения и расцвета Украины с укреплением предпринимательских, действительно рыночных основ в экономике, поскольку предпринимательская деятельность — это один из неисчерпаемых источников животворных сил нации.

Литература

1. *Энгельс Ф.* Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — К., 1965. — Т. 20.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь : В 4-х т. — М., 1989–1991.
3. *Боханов А.Н.* Вопрос о подоходном налоге в России и крупная буржуазия (конец XIX — начало XX в.) // Исторические записки. — М., 1986. — № 114. — С.276–302.
4. *Сущенко В.А.* История российского предпринимательства. — Ростов-на-Дону, 1997.
5. История предпринимательства в России : В 2-х кн. — Кн. 2. Вторая половина XIX—начало XX века. — М., 1999.
6. *Берлин П.А.* Русская буржуазия в старое и новое время. — М.; Пг., 1922.
7. *Галаган А.А.* История предпринимательства российского. От купца до банкира. — М., 1997.
8. Предпринимательство и предприниматели России: от истоков до начала XX века. — М., 1997.
9. *Броввер І.М.* Україна на переломі до промислового капіталізму : У 2-х т. — К., 1924. — Т. 1.
10. *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. — СПб., 1907.
11. *Лазанська Т.* Історія підприємництва в Україні (на матеріалах торгово-промислової статистики XIX ст.). — К., 1999.
12. *Вольтке Г.С.* Право торговли и промышленности в России в историческом развитии. — СПб., 1905.
13. Свод законов Российской империи. — СПб., 1899. — Т. 9.
14. *Боханов А.Н.* Деловая элита России. 1914 г. — М., 1994.
15. *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. — Л., 1981.
16. Статистические материалы к проекту об изменении Положения о государственном промысловом налоге. — СПб., 1909.
17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Краткие общие сведения по империи. — СПб., 1905.